

УДК 81

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-475-492

НОМИНАЦИЯ КАК СМЫСЛОВОЙ ВЕКТОР ПУШКИНСКОЙ МЫСЛИ

С.Н. Переволочанская

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)

Ул. Садовническая, 33, к. 1, Москва, Россия, 117997

Статья посвящена описанию процесса моделирования номинативных единиц в языке А.С. Пушкина, которые представляют собой номинативное поле, имеющее определенные ценностные ориентиры. Смысловая валентность пушкинского слова, привязанная к первичному образу (архетипу), проявляется в способности активно разворачивать энергию смысла в текстовой перспективе. Материалом для исследования послужили функционирующие в языке А. Пушкина единицы двух синонимических рядов с доминантами «арап» и «негр». Цель работы — выявить специфику процесса номинации в языке поэта, охарактеризовать факторы, обуславливающие этот процесс. Анализ языкового материала выявил рефлексивный вектор авторской мысли, скрытый на глубинном символическом уровне. Аналитическая процедура по восстановлению метасмыслового конструкта текста строится на методе компонентного анализа, сочетающегося с контекстуальным анализом, на методе интерпретации и описательном методе. Результаты исследования показали, что указанные номинативные единицы имеют особую аксиологическую ценность для поэта, реализуются в рамках семантических областей «Свое» ('мои предки', 'гордость благодарного потомка') и «Чужое» ('враждебный мир, не понимающий и не принимающий поэта'). Их смысловое развертывание обуславливает организацию знакового пространства текста. Номинативный каркас пушкинского дискурса определяется точкой пересечения двух судеб, разъятых временем, — прадеда поэта Абрама Петровича Ганнибала и Александра Пушкина, это точка схождения «расовой» драмы и драмы общественного и творческого одиночества личностей, не принятых и не понятых в полной мере современниками. Семантический «накал» авторской мысли, ее раздвоенность достигают предела, когда происходит постижение причины рефлексии: она внутри оппозиции *негр* — *арап*, в которой и заложена та семантическая, а шире ментальная точка, которая не оставляет рефлексиирующего сознания поэта. Концептуально значимым является вывод: *чёрный дед мой Ганнибал... сходно купленный арап... Царю наперсник, а не раб*. Смысловые приращения проявляются на широком ассоциативном фоне пушкинской мысли: поэт «моделирует» текст с богатым подтекстом, где каждый «номинативный намек» раскрывается богатством смысловой перспективы. Важными компонентами этого процесса выступают интертекстуально нагруженные единицы — прецедентные имена. Их использование составляет основу когнитивного механизма передачи глубинных смыслов через «экономную» номинативную процедуру. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы при создании авторских семантических словарей комплексного типа.

Ключевые слова: А. Пушкин, номинативная картина, смысловой вектор, семантическая сфера, номинативный намек, смысловая оппозиция, смысловая энергия текста

ВВЕДЕНИЕ

Объект исследования данной статьи — понятийные формы авторского мышления, которые обнаруживают себя в способах языкового отражения в актах номинации. Моделирование номинативной единицы разворачивается в смысловом поле

текста. Векторность авторского сознания направлена на предмет, содержательный объем которого требует заполнения смыслами, явными и едва намеченными, привычными и редкими, ни с чем не сравнимыми.

Цель работы — описание особенностей номинативной картины в языке А.С. Пушкина, рассмотрение факторов, обуславливающих процесс номинации. Номинации в языке поэта становится «тесно» в пределах слова, она неизбежно тянется в текст. Слово аккумулирует его семантическую энергию, становится кодовым обозначением смыслового поля текста. Слово-код имеет широкий диапазон бытования. М. Бахтин, указывая на потенциальную предикативность слова, определяет данную единицу как «аббревиатуру высказывания» [1. С. 268]. Сложность самого номинативного процесса свидетельствует о том, что механизм означивания может осуществляться как на уровне привычных номинативных единиц (лексико-деривационного и пропозиционального способов номинации), так и на уровне предикативных единиц (использования потенциала синтаксических единиц с точки зрения функциональной прагматики) [2. С. 43].

1. СМЫСЛОВАЯ СФЕРА СЛОВА

Знаковая единица в тексте в окружении себе подобных заряжается семантической энергией вступающих в контакт слов, что часто приводит к диффузности их семантических сфер и порождает в языке А.С. Пушкина неожиданные смысловые сдвиги. Но данная смысловая «ненормативность» не является спонтанным феноменом, она моделируется в авторском сознании благодаря семантической привязанности к первичному образу (архетипу), его смысловая валентность, понимаемая как потенция слова, проявляется в способности активно разворачивать энергию смысла в текстовой перспективе.

Само слово есть результат ассоциации и апперцепции, что позволяет рассматривать его как механизм вероятностного прогнозирования. Это определяет место и функцию слова в психике: «слово есть поиск» [3. С. 204], слово правит мыслью. При этом смысловая рефлексия воспринимается и как процесс, и как результат. Такое понимание дает возможность говорить о неконечности (а лучше сказать — бесконечности) и глубине смыслового развертывания. Рефлексия как процесс (становление) представляет собой энергетически емкую мыслительную операцию авторского сознания, не только выявляющую смысл, но и порождающую его, а в последующем и моделирующую его в некий идеальный объект. Последнее и есть результат (ставшее) — «энергийно-смысловой конструкт сознания» [4. С. 4]. «Рефлексивность слова понимается как смыслоносная, смыслопорождающая и смыслоформирующая функция речемыслительной деятельности. Рефлексивность слова связана с направленностью, зарядом, напряжением и потенциалом действия выражаемой в нем мысли» [4. С. 5]. Этим определяется двухуровневая природа самой номинации: определенный семантический поток генерирует сгусток смысла, требующий языковой экспликации. Совершив номинационный сброс, конструкт распадается, а накопившаяся потенциальная энергия готова к следующему этапу становления.

В феноменологической концепции З.Я. Кармановой слово является двуипостасной сущностью, проявляет себя в рамках бинарной оппозиции — внутреннее (неявленное) vs внешнее (явленное). Их взаимодействие носит виртуальный характер, результаты не объективированы. Конкуренция между неявленным и явленным, спровоцированная тем самым «романом сознания с языком» [5. С. 571], происходит внутри, на смысловом уровне. «Внутреннее слово представляет собой ментальную субстанцию или „феноменальную материю“, а именно слово-нейрон, или нейросема. Функциональные параметры нейросемы в сознании языковой личности коррелируют с (мета)смысловыми параметрами внешнего слова. Явленная вовне содержательная структура лексемы коррелирует с (мета)смысловой матрицей внутреннего слова, которая имеет определенную конфигурацию. Иными словами, она тождественна или конвариантна матрице нейросемы в феноменологическом поле сознания (нейросеть мозга). По внешнему слову возможны реконструкция, моделирование и диагностирование состояния нейросемы в феноменологическом поле сознания» [6. С. 362].

Двуипостасность слова предполагает и двуипостасность процесса — конструирование и реконструкцию смысловой сферы слова. «Познание сознания во всей полноте его актов и трансакций практически осуществимо через познание содержательной структуры слова. Феноменологическая лингвистика способна пролить свет на механизмы соорганизации мысли и слова, становления мысли-в-слове и слова-в-мысли» [6. С. 363].

Смысловое накопление определяется **вектором мысли** автора (или **рефлексивным вектором** автора). Векторность представляет собой суть всякого движения, в том числе и движения мысли, направленной словом [7]. Сам вектор характеризует изменение, движение, деятельность мысли, силу ее энергии на «глубинно символическом уровне» и этим «выражает сущностный смысл преобразований» [8. С. 6]. Интересной в этом смысле представляется идея о выделении единицы для описания смысловой сферы слова — рефлексемы (рефлексия + сема), дающей возможность «эксплицировать внутреннюю ментальную картинку, заключенную в слове» [6. С. 365].

Задача исследователя — провести аналитическую процедуру по реконструкции и раскрытию содержания метасмыслового конструкта текста. В статье используются методы компонентного анализа в сочетании с контекстуальным анализом, метод интерпретации, опирающийся на ресурсы описательного метода. Все эти, уже ставшие традиционными методы подготавливают основу для феноменологического анализа слова, принцип работы которого еще предстоит осмыслить и описать как механизм смыслообразования, «производства (конструирования) смысла текста» [9. С. 60].

2. МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для анализа в данной статье послужила тематическая группа номинативных единиц, отобранных из Словаря языка А.С. Пушкина¹, в значении которых имеется общий семантический компонент — «человек с темным цветом

¹ Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: Азбуковник, 2000.

кожи»: *арав* (52)², *негр* (15), *мавр* (9), *араб* (3), *аравка* (3), *аравченко*³ // *аравчинок* (2), *африканец* (2), *аравитянин* (1), *бедуин* (1), *мулат* (1). Внутри этой группы слов можно выделить следующие обозначения, характерные для текстового пространства А.С. Пушкина:

1) группы народов, населяющих значительные территории Юго-Западной Азии, Северной Африки (арабы);

2) представители древней североафриканской народности, усвоившие арабскую культуру и подчинившие в эпоху Средневековья своему влиянию Пиренейский полуостров;

3) представители темнокожих народов, являющиеся коренным населением Африки (ср.: в Словаре русского языка XVIII в.⁴ представлен ряд — *эфиоп*, *мурин*, *мурянин*, *негр*);

4) чернокожие слуги.

Отметим, что Словарь русского языка XVIII века не указывает на различия в значении слов *араб* и *арав*, а также *арабка* и *аравка*. Данные лексические единицы в парах выступают как дуплеты. Хотя в этом же словаре у лексемы *араб* имеется помета, свидетельствующая о том, что слово выходит из употребления. В языке А.С. Пушкина лексические единицы в представленных парах расходятся в значениях. Кроме того, исчезает лексема, служащая обозначением лица женского пола, — *арабка*. В одном из писем П.А. Вяземскому поэт отмечает:

(1) «*Араб* (женского р.<ода> не имеет), житель или уроженец Аравии, аравитянин. *Караван* был разграблен степными арабами.

Арав, ж.<женский род> *аравка*, так обыкновенно называют негров и мулатов. *Дворцовые аравы*, негры, служащие во дворце. *Он выезжает с тремя нарядными аравами*.<...>

А право, не худо бы взяться за Лексикон, или хоть за критику лексиконов»⁵.

В отношениях между пропорциями возникает асимметрия *араб* : *арав* // — : *аравка*. Разрушение данной семантической оппозиции приводит к образованию новой пары *арав* : *аравка* с общим семантическим признаком 'слуга' и изолированного компонента *араб*, в содержании которого на первый план выступает не указание на определенную этническую принадлежность, а в большей степени становится рельефной сема 'темнокожесть'.

Анализ значений представленных именованных в языке А.С. Пушкина позволяет выделить внутри тематической группы несколько синонимических рядов.

1. *Мавр*, *араб*, *аравитянин*, *бедуин*. Доминанта ряда *мавр* выражает общий семантический признак ряда 'принадлежность к определённой этнической груп-

² Цифра показывает количество употреблений в языке А. Пушкина.

³ В словах, взятых из *Словаря языка А.С. Пушкина*, во всех текстовых иллюстрациях соблюдена авторская (пушкинская) орфография.

⁴ Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984—1991. Вып. 1—6; СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992—2011. Вып. 7—19. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 05.03.2019).

⁵ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений, 1837—1937: в 16 т. Т. 16: Переписка, 1835—1837. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 208.

пе', имеет преимущество в количественном отношении и характеризуется относительным по сравнению с другими членами ряда разнообразием жанровой специфики — стихи, публицистика.

2. *Негр, арап, африканец, арапченок // арапчинок*. Доминанта ряда — *негр*, общий семантический признак — 'принадлежность к людям негроидной расы' (по признаку '*чернокожий*').

3. *Арап, арапка, негр, мулат*. В доминанте *арап* реализовано основное значение ряда «*чернокожий слуга*».

Границы между рядами зыбки: последний ряд базируется на значении основного компонента 'слуга', но в то же время коррелируется с дополнительным признаком 'чернокожий', который является ключевым в семантическом содержании компонентов второго ряда. И этот же признак характерен для этнической группы первого ряда.

3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

Активное смысловое развертывание пушкинской мысли происходит в рамках двух последних рядов. Причина этого заключается в том, что семантическое содержание этих рядов имеет для А.С. Пушкина особую аксиологическую ценность. Этот тематический стержень — своего рода семантическая, смысловая и концептуальная «метка» в авторском сознании. Именно она определяет направление смыслового вектора мысли поэта, способ организации знакового пространства текста, номинативного каркаса пушкинского дискурса. Это точка пересечения двух судеб, разъятых временем, — прадеда поэта Абрама Петровича Ганнибала и Александра Пушкина, это точка схождения «расовой» драмы и драмы общественного и творческого одиночества личностей, не принятых и не понятых в полной мере современниками. «Ни один из русских писателей не притеснен более моего»⁶, — пишет А.С. Пушкин в письме к А.Х. Бенкендорфу в октябре 1835 г.

В этой точке пересечения мотив отчуждения проявился в рамках семантической оппозиции «Свой мир» — «Чужой мир». Первый член оппозиции, положительно маркированный, фиксируется сознанием автора как понятный, опирающийся на личностные смыслы, на чувство собственного достоинства. Второй член маркируется отрицательно, «это мир этнически... социально или культурно... чуждый и враждебный» [10. С. 17]. В этой парадигме (бинарной оппозиции) ищет развития вектор поэтической мысли автора. Динамика ее внутреннего развертывания строится на оценочной семантике, определяется движением от дружеской иронии в ранних произведениях до сарказма, близкого к негодованию, в более поздних текстах. Коннотативное значение лексических единиц порождается смысловой структурой слова, коннотация как ассоциативная аура обозначаемого объекта выведена за рамки языка в экстралингвистическую сферу. Опираясь на понятие «концептуальная внутренняя форма», Е.Г. Белявская определяет коннотацию как «логически выводную информацию, получаемую на основании знания обозначаемого фрагмента действительности и его концептуальной струк-

⁶ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений, 1837—1937: В 16 т. Т. 16: Переписка, 1835—1837. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 57.

туры» [11. С. 62]. Тогда коннотация, как экспрессивно маркированный макрокомпонент семантики, включает в свой состав всю информацию, способную производить особый эмоциональный эффект. В качестве таковой выступают ассоциативно-образные сигналы. Коннотативные признаки, присутствующие в значении, квалифицируются как «потенциальная ассоциативная энергия слова» [12. С. 62—63], стилистическая информация, оценочная характеристика. «Слова не хранятся в памяти как слова, но как комплекс признаков. Когда слова используются, они не репродуцируются памятью, а скорее реконструируются из составляющих эти слова признаков» [13. С. 156].

Ассоциативно-образные сигналы служат средством оценочной характеристики в Послании «К Юрьеву»⁷ (1820), посвященном приятелю А. Пушкина по литературному обществу «Зеленая лампа» и написанном перед отъездом в южную ссылку. Здесь изображен «свой мир», это мир естественных, пылких, страстных чувств, он органичен, в отличие от «мира чужого», в котором всё ложно, искусственно.

Семантическая область «**Чужой**» характеризует адресата послания: *любимец ветреных Лаис, прелестный баловень Киприды; Адонис; Тебе в удел очарованье, И черный ус, и взгляд живой, Любви улыбку и молчанье; желаний пылких чуждый*. Семантическая область «**Свой**» — своеобразный способ выражения внутреннего превосходства автора послания, лирического героя стихотворения: *повеса вечно-празднень, Потомок негров безобразный, Взрощенный в дикой простоте, Любви не ведая страданий, Я нравлюсь юной красоте Бесстыдным беиенством желаний*. Вершиной противопоставления могут служить следующие строки: *К тебе красавиц молодых Летят задумчивые взоры ↔ С невольным пламенем ланит Украдкой нимфа молодая, Сама себя не понимая, На фавна иногда глядит*.

Как видно из сопоставления, семантическая область «**Чужое**» строится на «лакированном» образе прелестного мечтателя. Каскад устойчивых перифраз, где на опорный компонент традиционных перифрастических оборотов — *любимец, баловень* — нанизываются как орнамент детали античной символики: *Лаиса* — имя древнегреческой куртизанки во множественном числе употребляется в качестве условного обозначения женщин лёгкого поведения; красавец *Адонис* ассоциируется с застывшим греческим изваянием.

В семантической области «**Свое**» номинации-перифразы индивидуальны, что свидетельствует об их живости, естественности. Вокруг базового компонента образуется сфера эмотивного притяжения: *повеса* ← *вечно-празднень, [безобразный]* → *потомок* ← *негра*. Здесь происходит усиление признака за счет расширения границ перифрастического оборота *взрощенный в дикой простоте*. Оценочный смысл данной перифразы характеризуется тем, что отрицательная оценка (по признаку ‘безобразность’) достигает своего предела, что дает обратный семантический эффект. Семантический признак ‘некрасивость’ меняет вектор своей направленности и транспонируется в область положительной оценки, сближаясь с семантическим признаком ‘привлекательность’. Этому способствует противопоставление

⁷ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837—1937: в 16 т. Т. 2. Кн. 1: Стихотворения, 1817—1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 139.

пары *Адонис — Киприда* («чужое», холодное, светское) паре *Фавн — Нимфа* («свое», природное, безыскусное).

Разная степень проявления семантических признаков ‘привлекательность’ // ‘некрасивость’ наблюдается и в сочетаниях при обязательной внутренней противопоставленности:

аравский профиль / дивный карандаш —

(2) *Зачем твой дивный карандаш Рисует мой аравский профиль?*⁸;

аравское мое безобразие / красавица —

(3) *Здесь хотят лепить мой бюст. <...> Тут аравское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности; я говорю: У меня дома есть красавица, которую когда-нибудь мы вылечим* (Из письма Н.Н. Пушкиной⁹).

В выражении *аравская рожка* в опорном компоненте обнаруживается семантическая тенденция к энантиосемии:

(4) *Присоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его аравская рожка [в подлиннике — роожка] произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы*¹⁰.

В контексте (4) приведен отрывок из письма Л.С. Пушкину, «в котором речь идет об исторической поэме К.Ф. Рылеева из эпохи Петра I „Палей“» [14. С. 513—514]. В данном употреблении ‘привлекательность’ // ‘некрасивость’ — признаки, которые одновременно существуют в состоянии притяжения и отталкивания.

Подобные бинарные оппозиции выстраиваются в стихотворении «*Как же-ниться задумал царский арав*» (1824), написанном в духе народных песен и явившемся своеобразным «зачином» («прологом») к тексту исторического романа «*Арав Петра Великого*»¹¹ (1837). В последнем «наряду с актуализированным повествованием» присутствует «завуалированный, подразумеваемый нарратив» — «феномен имплицитности», представляющий собой «имплицитное содержание», которое строится на базе эксплицитной информации, содержащейся в тексте [15. С. 5—6]. Выводные сведения основываются, с одной стороны, на пресуппозиции, а с другой — на импликациях (следствиях), зависящих «от неязыковых знаний получателя» [15. С. 6]. Тем самым воспринимающее сознание активно «вмешивается» в текст, созданный автором, продуцируя другой текст, осмысливающийся как подтекст. Возникает сложная система смысловых взаимоотношений как внутри текста, так и за его «пределами» в рамках диалога автора с читателем.

⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3: Стихотворения, 1826—1836. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. С. 56.

⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837—1937: в 16 т. Т. 16: Переписка, 1835—1837. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 116.

¹⁰ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13: Переписка, 1815—1827. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 143.

¹¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 8. Кн. 1: Романы и повести. Путешествия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 1—33.

«Художественный дискурс „остраняет“ само имплицитное содержание, деавтоматизируя его восприятие» [15. С. 6]. «Нарратологическая перспектива» строится на линейном развертывании «мотивной структуры текста» [16. С. 14]. В «Арапе Петра Великого» развивается в разных семантических направлениях смысловая оппозиция «Свое» — «Чужое»: восприятие арапа сквозь собственное сознание («я») и восприятие арапа другими («они»). «Они» в смысловом отношении неоднородны — французское общество и русский мир. Такая раздвоенность порождает смысловую уплотненность в парадигме «свой» — «чужой», выражающуюся в семантическом удвоении. Вектор мысли скользит по шкале с тремя компонентами (табл. 1).

Выделим признаки, по которым идет расслоение мысли, которые представлены в табл. 2.

Таблица 1 / Table 1

Компоненты семантических областей «Свое» и «Чужое» /
Components of semantic areas “Свое” and “Чужое”

Семантическая область «Чужое»	Семантическая область «Свое»	Семантическая область «Чужое»
французское общество «ОНИ»	↔ арап ↔ ↓ ↔ «Я» ↔	русский мир «ОНИ»

Таблица 2 / Table 2

Признаки смыслового расслоения в семантических областях «Свое» и «Чужое» /
Semantic stratification features in semantic areas “Свое” and “Чужое”

ПРИЗНАКИ	«ОНИ»		«Я»
	Французское общество	Русский мир	
социальный статус	<i>царский негр</i> (le Nigre du czar)	<i>царский арап</i> <i>купленный арап</i> <i>сын арапского салтана</i> <i>человек одинокий</i> <i>без роду и племени</i> <i>чужой для всех</i>	<i>арап Ибрагим</i> <i>негр</i> <i>любимец (Петра)</i> <i>питомец (Петра)</i> <i>крестник (Петра)</i> <i>пришелец в новом</i> <i>моем отечестве</i>
внешний признак	<i>молодой негр</i> <i>молодой африканец</i> <i>высок и строен</i> <i>курчавая голова, чернеющая</i> <i>посреди пудренных париков</i>	<i>черный диавол</i> <i>сплющенный нос</i> <i>вздутый губы</i> <i>шершавая шерсть</i>	<i>черное лицо</i> <i>жалкое творение,</i> <i>едва достойное</i> <i>названия человека</i>
черта темперамента, характера	<i>восхищенный Ибрагим</i>	<i>пылкий, задумчивый</i> <i>и подозрительный</i> <i>характер</i> <i>вытаращить арапские</i> <i>белки</i>	<i>африканская кровь</i>
участь, доля			<i>верный негр</i> <i>бедный негр</i> <i>бедственная судьба</i> <i>негра</i>

Примечательно то, как арап Петра Великого определяет свое предназначение в «новом своем отечестве» (русский мир): *быть сподвижником великого человека, действовать на судьбу великого народа, перестать быть пришельцем в новом моем отечестве*. Этот факт подчеркивается еще одной смысловой оппозицией — *арап Ибрагим // дворянин Корсаков: Царский арап — чужой для всех, без роду и племени, человек степенный и порядочный, не чета ветрогону, всех более на человека походит; Корсаков — совершенный чужестранец, воротился из неметчины на святую Русь скоморохом, ветрогон, французская обезьяна, обезьяна заморская*.

В представленных примерах явственно проступает **оценочное значение**, которое в семантических сферах «Свое» — «Чужое» проявляет свою биполярность. Это выражается в векторной разнонаправленности — «стремление» от нейтральной (нулевой) отметки по отрицательно и положительно направленному вектору оценки. Биполярность проявляется и по семантическому признаку ‘цвет’: *черный ребенок, черный младенец, шорни репята, черное лицо, черный дьявол, Шорни Шорт — белый ребенок; черный ворон (народн.-поэтич) — белая лебедушка (народн.-поэтич); арап чернешенек (народн.-поэтич) — душа белешенька (народн.-поэтич)*.

Семантическая драматургия авторской мысли, ее раздвоенность почти достигает предела, происходит постижение причины рефлексии, она внутри оппозиции *негр — арап*, в которой и заложена та семантическая, а шире ментальная точка, не оставляющая рефлексирующее сознание поэта. В лексической номинации *негр* основополагающим выступает признак ‘негроидная раса’, а в лексической номинации *арап* — имплицитная цепочка: ‘слуга’ → ‘должность’ → ‘раб’. Ср.: *Петра питомец, Царей, цариц любимый раб*.

Разрешение этого семантического противоречия представлено в тексте *Моя родословная*¹² (1830), где наблюдается смысловое уплотнение, интенсивность модально-оценочного смысла через оппозицию «свой» — «чужой», она находит выражение в противопоставлении «я» — «они», а также в оппозиции «я» — «не-я». Данный текст может быть представлен как «декларация этической установки», «стихотворение-credo» — текст «с ярко выраженной самопрезентацией субъекта», воплощенной в виде «маркирующей мотивной парадигмы» [17. С. 59—61]. Последнее свидетельствует о смысловой рефлексии, о самопознании. Отчужденность выражается через конструкцию с выделительной семантикой отрицания: многократное употребление частицы «не» (табл. 3) порождает особую экспрессию стиха. Поводом для написания стихотворения послужила опубликованная в одной из газет сатирическая статья Ф. Булгарина, в которой подвергалось сомнению аристократическое происхождение А. Пушкина. Оппоненты — две значимые фигуры в книжно-журнальной полемике первой трети XIX века. Их противостояние не столько личностное, сколько мировоззренческое. Они разворачивали свою литературную деятельность в разных эстетических проекциях на фоне демократизации, профессионализации литературно-журнального дела, коммерциализации

¹² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3: Стихотворения, 1826—1836. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. С. 261—263.

литературного творчества. «В целом мир, где только есть Литература, там есть литературные партии, литературные вражды, литературная борьба. <...> Союз, дружба, согласие литераторов — несбыточные мечты! Где в игре человеческое самолюбие, там не может быть ни дружбы, ни согласия. Страсти — пороховая камера, а самолюбие — искра» [18. С. 6].

Статья Ф. Булгарина строилась на «эксплуатации» прецедентного феномена — названия пьесы Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве». Зона конфликта лежала в области рассматриваемой нами оппозиции, затрагивала исторические (родовые) корни А. Пушкина. Текст *Моей родословной* — не столько отражение литературно-общественной борьбы 30-х годов XIX в., сколько концентрация мысли об одиночестве, неприятии современниками творческого гения поэта.

Стратегия написания пушкинского стихотворения отлична от стратегии написания публицистических статей, где Пушкин-журналист делает ставку на полемику как наиболее эффективный способ воздействия на оппонента — издателя «Северной Пчелы» и «Сына Отечества», автора «Ивана Выжигина», представителя концепции «консервативного демократизма» Фаддея Венедиктовича Булгарина. Степень эмоционального накала пушкинских статей провоцирует открытую оценочность. Автор строит свои публицистические тексты, используя разнородные пласты стилистических средств: каждая единица (фразеологизмы, риторические вопросы, «ономастическая карта») подчинена той или иной стилистической задаче. А.С. Пушкин в полемических рассуждениях со своим оппонентом (статья *Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем*) представлен как «автор-маска» [19. С. 11]. Такой способ важен для Пушкина-публициста: использование псевдонима (Феофилакт Косичкин) — удачно найденный прием, где сатирический пушкинский образ, скрытый за маской, расширяет границы условного псевдонима Феофилакт Косичкин до литературного персонажа.

Публицистический текст (фельетон) и стихотворный текст сближает авторская ирония. В стихотворении *Моя родословная* А.С. Пушкин открыт, личностное начало становится для него важным и значимым. Он «моделирует» текст с богатым подтекстом, где каждый «номинативный намек» раскрывается богатством смысловой перспективы. Он чередует номинативные и предикативные конструкции с семантикой отрицания с конструкциями с семантикой утверждения (см. табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Конструкции с семантикой отрицания и утверждения /
Constructions with negation and affirmation semantics

Конструкции с семантикой отрицания	Конструкции с семантикой утверждения
<p>Не офицер я, не асессор, Я по кресту не дворянин, Не академик, не профессор</p> <p>Я не богач, не царедворец</p>	<p>Я просто русской мещанин; Бояр старинных я потомок; Я, братцы, мелкий мещанин; Я, слава богу, мещанин; Я сам большой: я мещанин</p>
<p>Не торговал мой дед блинами, Не ваксил царских сапогов, Не пел с придворными дьячками, В князя не прыгал из хохлов, И не был беглым он солдатом Австрийских пудренных дружин</p>	<p>Я грамотей и стихотворец</p>
<p>(Я) не Мусин</p>	<p>Я Пушкин просто</p>

Текст стихотворения предельно сжатый, интертекстуально нагруженный. Имплицитная основа текста требует семантического кода для дешифровки. Особую значимость приобретает *неявная номинация*. Как когнитивный феномен она уходит в область неявного знания, личностного (субъективного) познания, образуя при этом экстралингвистический фон для понимания смыслового контекста. В предикативных конструкциях стихотворения присутствует смысловая неполнота, намеки поэта можно «расшифровать» лишь обратившись к энциклопедическому фону: это исторические ссылки, характеризующие родоначальников многих знаменитых русских родов.

1. *Не торговал мой дед блинами* — отсылка к прецедентной ситуации, связанной с русским государственным и военным деятелем, сподвижником Петра I Александром Даниловичем Меншиковым. Отец князя, по некоторым источникам, торговал пирогами до поступления на службу к Ф.Я. Лефорту. Отметим, недостоверность этого факта впоследствии опровергнута самим А. Пушкиным в *Истории Петра. Подготовительные тексты. Годы 1701 и 1702*: «Менш.<иков> происходил от дворян белорусских. Он отыскивал около Орши своё родовое имение. Никогда не был он лакеем и не продавал подовых пирогов. Это шутка бояр, принятая историками за истину»¹³.

2. *Не ваксил царских сапогов* — отсылка к биографическому факту графа Ивана Павловича Кутайсова, камердинера Павла I. Турецкий мальчик десяти лет был взят в плен русскими войсками и подарен императору. Интересно в этом смысле замечание русского поэта, мемуариста князя И.М. Долгорукова: «Я худо знал тогда, как его [И.П. Кутайсова] зовут, а теперь, встречаясь с ним, титулую его сиятельством и на пирах он очень далеко от меня садится. О Tempora! О Mores! Впрочем, когда же этого и не бывало? Меншиков торговал блинами! Почему же и Кутайсову не быть графом? Он же мастерски брил бороду Павлу! Это не безделица!» [20. С. 185].

3. *Не пел с придворными дьячками* — отсылка к биографическому факту графа Алексея Григорьевича Разумовского, днепровского малоземельного казака, возведённого в графское достоинство, ставшего камергером, фаворитом императрицы Елизаветы Петровны. Известно, что будущий граф в детские годы жил у дьячка и пел на церковном клиросе, где при отборе певчих для Придворного хора на него обратил внимание полковник Вишнеvский. Оценив прекрасный голос и красоту молодого человека, он взял его с собой в Петербург.

4. *В князя не прыгал из хохлов* — отсылка к биографическому факту князя Александра Андреевича Безбородко, малороссийского дворянина казацко-старшинного происхождения, ставшего государственным деятелем, удостоенным высшего ранга канцлера при Павле I.

5. *И не был беглым он солдатом Австрийских пудренных дружин* — возможно, в этих строках заключен намек на представителей немецкого графского рода. Один из них — генерал-лейтенант Андрей Андреевич Клейнмихель, был

¹³ Пушкин А.С. История Петра: Подготовительные тексты // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 10. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 65.

директором Петербургского кадетского корпуса, участником Отечественной войны 1812 года, заграничных походов 1813 и 1814 гг. Его сын — граф Петр Андреевич Клейнмихель, управляющий путями сообщения и публичными зданиями, пользовался расположением графа Аракчеева и Николая I.

Степень сложности данного поэтического текста определяют его аллотропичность — свойство, присущее тексту «множественного кодирования», содержащему «глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы» и представляющему собой «совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов, которые актуализируются репрезентируемыми языковыми средствами» [21. С. 123]. Маркерами аллотропичности выступают «неузальные синтагматические связи лексем», «интертекстуальность и дискурсивность» [21. С. 123—124]. Прокомментированные строки данного текста свидетельствуют о высоком коэффициенте аллотропичности [21. С. 125], он составляет 0,8: на 6 строк поэтического текста 5 маркеров аллотропичности (прецедентных феноменов).

Неявные номинации данного стихотворения образуют некий виртуальный пласт, создающий подтекстовую смысловую структуру, опирающуюся на исторический фон, требующий толкования для современного читателя. Виртуальный пласт строится на матрице информационно емких единиц, способных направить вектор читательской мысли. Обращение к претексту восстанавливает ассоциативную связь с целым рядом предшествующих текстов-событий. «Подтекстовый и пресуппозитивный смыслы... прецедентные тексты, актуализирующие пресуппозиции, окказиональные номинации» [22. С. 201] помогают читателю «зацепиться» за концептуально значимые точки и моделировать свой текст.

В тексте выстраивается цепь оппозиций по признаку 'принадлежность по рождению' — аристократ / мещанин (*русской мещанин, мелкий мещанин*); по признаку 'социальная значимость' — большой / маленький (*мелкий мещанин / я сам большой: я мещанин*); по признаку 'труд, занятие, служба', 'источник заработка' — государственная служба / литератор (*офицер, ассессор, академик, профессор, царедворец / грамотей, стихотворец*); по признаку 'степень значимости' — Мусин-Пушкин / Пушкин просто. Лексема *мещанин* приобретает в контексте особый смысл: через нее объективируется авторская модальность. Интертекстуальная отсылка к претексту (Ж.-Б. Мольер «Мещанин во дворянстве»), на который опирается в своей жестокой насмешке пушкинский оппонент Ф. Булгарин, теряет свой полемический накал в стихотворном тексте: лексема *мещанин* приобретает положительную коннотацию. Исторический виртуальный фон «выполняет» свою работу, историческая ретроспектива предков рода Пушкиных доказывает их значимость в истории России:

- (5) Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Вплетение в контекст стихотворения словосочетания *нижегородский мещанин* для характеристики определенной исторической эпохи не является случайным. Данная лингвистическая единица представляет собой прецедентное высказывание,

соотносящееся с именем земского старосты Козьмы (Кузьмы) Минина — организатора и одного из руководителей народного ополчения в борьбе против польско-литовской и шведской интервенций в начале XVII века. Лексема *мещанин* приобретает высшее оценочное значение, становится «маркером оценки людей, их поведения, поступков» [23. С. 305]. Словосочетание, несущее богатый ассоциативный фон, выступает как «„национальный лингвомаркер“, который передает национальное своеобразие, „культурную память“, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» [24. С. 120—121]. Прецедентный текст встраивается в систему ценностей «определенного лингвокультурного сообщества», его «перманентная возобновляемость в дискурсе, наличие символов и атрибутов... которые отсылают к хранимому в памяти инварианту ПТ и активируют его в ситуации актуального общения в точке „здесь-и-сейчас“» [25. С. 164].

Концептуально значимым в этом стихотворении является вывод, построенный на широком историческом, культурном контексте: *черный дед мой Ганнибал... сходно купленный арап... Царю наперсник, а не раб*. Перифраза *царю наперсник* по содержанию выходит за рамки поэтических штампов, ее значение раскрывается в пределах синонимического ряда *сподвижник, доверенное лицо, товарищ*. Данное утверждение семантически усиливается игрой смыслов — едким словесным ударом в адрес оскорбителя.

- (6) Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин.
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?.. он в Мещанской дворянин.

Коннотативно окрашенный оним *Фиглярин* является номинацией реального лица, русского писателя, журналиста, критика, издателя Фаддея Булгарина. Каламбурная модификация фамилии (*Фиглярин, Авдей Флюгарин*) — прием, который позволяет намекнуть на специфику журналистской деятельности Булгарина (ср.: *фиглярствовать* в языке А.С. Пушкина имеет следующее значение — *стремиться различными выходками заслужить чье-н. расположение, выделиться; позерствовать; фиглярствовать*). Здесь опять всплывает излюбленный пушкинский прием противопоставления — *мещанин / дворянин*. В оппозиции *я во дворянстве мещанин* ↔ *он в Мещанской дворянин* происходит «мерцание» смыслов в рамках языковой игры. Противопоставленными в смысловом отношении в данном контексте оказываются и однокорневые морфемы разной частеречной принадлежности — *мещанин / Мещанская* (улица). Весь комплекс порождает цепочку импликаций: *мещанин* → *мещанский* → *Мещанская улица* → *район притонов* → *жена Булгарина, которая до свадьбы была связана с притонами Мещанской*, → *биографический факт в судьбе Булгарина*.

Использование прецедентных имен (или даже имплицитного намека на прецедентность) в пушкинском тексте является своеобразным дескриптором в системе интертекстуальных связей. «Интертекстуальность — способ создания нового смысла через однозначно маркированный эксплицитный диалог „своего“ и „чужого“ текстов» [26. С. 109], «очень развернутая, преобразованная, гипертрофированная

метафора, сравнение» [27. С. 348—349]. Саму интертекстуальность с точки зрения когнитивной теории текста можно рассматривать как «механизм *экономии ментальных и номинативных усилий*» [28. С. 144], «механизм *межпоколенной трансляции социального знания*» [28. С. 145].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким, образом, ассоциативность мышления А.С. Пушкина разворачивается в русле смысловой оппозиции «Свое» — «Чужое», которая дополняется набором семантических признаков: в семантической сфере «Свое» — ‘мои предки’, ‘гордость благодарного потомка’ (ср. *судьба моей братьи негров*); в семантической сфере «Чужое» — ‘враждебный мир, не понимающий и не принимающий поэта’. Рефлексия «работает» со смыслами, выступая при этом в качестве смыслового конфигуратора, «нанизывая» их на ментальную ось, что организует смысловую энергию текста (всё текстовое пространство автора) в некий системный блок. Явная и неявная номинации пересекаются в одной интертекстуальной точке. Возможно, эти имплицитные связи определили авторскую точку зрения. Таким образом, дискурсивная перспектива разворачивания текстового смысла выстраивается как диалог текстов. Первичный авторский текст с развернутой интертекстуальной структурой дает возможность реконструировать текст, выделить смысловой подтекст и моделировать новый текст. Интертекстуальное поле «обеспечивает возможность разноуровневого прочтения, превращая поэтический текст в нелинейную смысловую структуру с нарастающей энтропией смысла» [29. С. 38].

Анализ и интерпретация языкового материала, представленного в данной статье, позволяет говорить о перспективе исследования — возможности обработки и фиксации рассуждений в словарных материалах, отражающих лексикографическое портретирование «интертекстовых единиц» — «интертекстом» [30. С. 41]. Полученные в ходе исследования результаты, связанные с описанием смыслового поля пушкинской мысли, могут быть использованы при создании авторских семантических словарей комплексного типа.

© Переволочанская С.Н., 2019
Дата поступления: 1.03.2019
Дата приема в печать: 1.04.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Буров А.П. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. Ставрополь-Пятигорск: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2012.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы порождения речевого высказывания. М., 1969.
4. Карманова З.Я. Феноменологические аспекты содержательной структуры слова. Калуга: Издательство «Эйдос», 2014.
5. Гоготшивили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянской культуры, 2006.
6. Карманова З.Я. Феномен сознания vs феномен слова (феноменологические этюды) // Всероссийская конференция по когнитивной науке КИСЭ-2017: материалы Всероссийской конференции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 361—372.

7. *Потебня А.А.* Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2007.
8. *Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб., 2002.
9. *Бусыгина Н.П.* Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях // *Московский психотерапевтический журнал*. 2009. № 2. С. 52—76.
10. *Пеньковский А.Б.* Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
11. *Белявская Е.Г.* Понятие коннотации с когнитивной точки зрения // *Концептуальное пространство языка*. Тамбов, 2005. С. 53—66.
12. *Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. М., 1941.
13. *Шапиро Р.Я.* Имена собственные и несобственные в системе номинации // *Семантика слова и смысл текста*. Саранск, 1986. С. 158—163.
14. *Томашевский Б.В.* Примечания // *Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: Художественная проза*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. С. 511—558.
15. *Агрятин А.Е.* Поэтика имплицитного повествования: в поисках теоретической модели // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 428. С. 5—11. doi: 10.17223/15617793/428/1.
16. *Баженова Я.В.* Поэтика рассказа И.А. Бунина «Веселый двор»: имя — художественная деталь — нарратив // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 413. С. 14—21. doi: 10.17223/15617793/413/2
17. *Радионова А.В.* Этическая рефлексия в лирическом стихотворении // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 439. С. 57—65. doi: 10.17223/15617793/439/7.
18. *Булгарин Ф.* Воспоминания. М.: Захаров, 2001.
19. *Иоанниди И.П.* «Моя родословная» А.С. Пушкина (к вопросу об истоках стихотворного фельетона) // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 1999. № 2. С. 11—14.
20. *Долгоруков И.М.* Капище моего сердца. М.: Наука, 1997.
21. *Муратова Е.Ю.* Специфика аллотропичного анализа поэтического текста // *Вестник славянских культур*. 2014. № 2 (32). С. 121—129.
22. *Егорова Е.Н.* Вещь как ключ к воспоминанию (культурно-семантический анализ произведения «Чемодан» С.Д. Довлатова // *Вестник славянских культур*. 2018. Т. 48. С. 200—210.
23. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремииологии (на фоне украинского и русского языков) // *Русин*. 2018. № 54. С. 303—317 doi: 10.17223/18572685/54/18.
24. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // *Русин*. 2016. № 3 (45). С. 119—128. doi: 10.17223/18572685/45/9.
25. *Дулина Н.В., Каргаполова Е.В., Симоненко М.А.* Прецедентный текст художественной литературы в культурной памяти студенческой молодежи: социолингвистический аспект // *Вестник славянских культур*. 2017. Т. 45. С. 163—175.
26. *Чернявская В.Е.* Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 106—111.
27. *Кашкин В.Б.* Сопоставительное исследование дискурса // *Концептуальное пространство русского языка*. Тамбов: ТГУ, 2005. С. 337—353.
28. *Шестак Л.А.* Интертекстуальность и когнитивная теория текста // *Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов*. М.: Флинта, 2014. С. 125—147.
29. *Сергодеев И.В., Олизько Н.С.* Текст, гипертекст и интертекст в произведениях Дж. Моррисона // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 430. С. 33—38. doi: 10.17223/15617793/430/.
30. *Сидоренко К.П.* О концепции словаря интертекстовых единиц из басен И.А. Крылова // *Вопросы лексикографии*. 2016. № 1 (9). doi: 10.17223/22274200/9/4.

УДК 81

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-475-492

NOMINATION AS THE PRINCIPAL AXIS OF PUSHKIN'S THOUGHT

Svetlana N. Perevolochanskaya

The Kosygin State University of Russia
33, Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russia, 117997

Abstract. The article deals with the description of a modeling process of nominative units in A. Pushkin language; the units presenting a nominative field with certain value landmarks. The semantic valence of Pushkin's word related to a primordial image (archetype) is shown in the ability to evolute extensively the meaning energy in a text prospect. The data for study were the units of two synonymic rows with the core units "аран" and "негр" functioning in A. Pushkin language. The study aimed at revealing the nomination specificity in the poet language, and characterizing the factors determining a nomination process. The author's reflective vector in a language material analysis became evident at a deep symbolic level. An analytical procedure to reconstruct a meta-semantic text construct was based on a componential analysis combined with a contextual one, as well as on an interpretation technique and a descriptive method. The findings demonstrated the mentioned nominative units to have a specific axiological value, be implemented within the semantic areas "свое" ('my ancestors', 'pride of grateful descendants') and "чужое" ('hostile world, which failed to comprehend and accept him'). And their semantic evolution specifies the text sign space arrangement. A nominative frame of Pushkin's discourse is determined by a cross point of two destinies disconnected by time — the poet's great grandfather, Abram Petrovich Hannibal, and Alexander Pushkin, a converging point of "racial" drama and public and creative loneliness drama of personalities rejected and unappreciated by their contemporaries. A semantic "tension" of the author's idea, its dualism reaches the summit when the self-consciousness reason is fathomed: it is inside негр—аран opposition, where there is a semantic, and wider — a mental point haunting the poet's reflecting consciousness. The conclusion appears to be conceptually significant: *черный дед мой Ганнибал, <...> сходно купленный аран <...> Царю наперсник, а не раб*. Semantic increments are exhibited against a rich association background of Pushkin cognition: the poet 'models' the text with abundant implication, where every "nominative hint" unfolds under the abundance of a semantic prospect. Major components of the process are intertextually loaded units — precedential names. Their usage forms the basis for a cognitive mechanism to convey implication through an "economical" nominative procedure. The study findings can be used to create semantic dictionaries of a complex type.

Key words: A. Pushkin, nominative presentation, semantic vector, semantic sphere, nominative implication, semantic opposition, text meaning energy

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M. (1979). Esthetics of written word. Moscow: Art. (In Russ.).
2. Burov, A.P. (2012). Substantive syntax nomination in the Russian language. Stavropol-Pyati-gorsk: Stavropol State University Press. (In Russ.).
3. Leontiev, A.A. (1969). Psycholinguistic units of the generation of speech utterance. Moscow. (In Russ.).
4. Karmanova, Z.Ya. (2014). Phenomenological aspects of word content structure. Kaluga: Eidos Publishing House. (In Russ.).
5. Gogotishvili L.A. (2006). Indirect speaking. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
6. Karmanova, Z.Ya. (2017). Consciousness phenomenon vs. word phenomenon (phenomenological sketches). In: Russian conference on cognitive science. Modern cognitive researches—2017. Kazan: Kazan University Press. pp. 361—372. (In Russ.).

7. Potebnya, A.A. (2007). Thought and language. Moscow: Labyrinth. (In Russ.).
8. Kolesov, V.V. (2002). Russian word philosophy. S-Petersburg. (In Russ.).
9. Busygina, N.P. (2009). The phenomenological description and interpretation: examples of the analysis of the data in qualitative psychological researches. *Moscow Psychotherapeutic Journal*, 2, 52—76. (In Russ.).
10. Penkovsky, A.B. (2004). Essays on Russian semantics. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
11. Belyavskaya, E.G. (2005). The concept of connotation from a cognitive point of view. In *Conceptual space of language*. Tambov: TSU Publishing House G.R. Derzhavina. pp. 53—66. (In Russ.).
12. Vinogradov, V.V. (1941). Pushkin style. Moscow. (In Russ.).
13. Shapiro, R.Ya. (1986). Proper and improper names in the nomination system. In *Semantics of the word and the meaning of the text*. Saransk. pp. 158—163. (In Russ.).
14. Tomashevsky, B.V. (1978). Notes. In *Pushkin, A.S. The complete works in 10 volumes. Volume 6. Fiction*. Leningrad: Science. Leningrad branch. pp. 511—558. (In Russ.).
15. Agratin, A.E. (2018). Poetics of implicit narration: in search of a theoretical model. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 428, 5—11. doi: 10.17223/15617793/428/1.m (In Russ.).
16. Bazhenova, Ya.V. (2016). Poetics of I.A. Bunin's "Happy house": proper noun — art detail — narrative. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 413, 14—21. doi: 10.17223/15617793/413/2. (In Russ.).
17. Radionova, A.V. (2019). Ethical Reflection in a Lyric Poem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 439, 57—65. doi: 10.17223/15617793/439/7.
18. Bulgarin, F.V. (2001). Memoirs. M.: Zakharov. (In Russ.).
19. Ioannidi, I.P. (1999). "Moya rodoslovnaya" A.S. Pushkin (on the question of the origins of the poetic feuilleton). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 11—14. (In Russ.).
20. Dolgorukov, I.M. (1997). The Highlands of my heart. Moscow: Science. (In Russ.).
21. Muratova, H.Yu. (2014). Specifics of allotropic poetic texts analysis. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2 (32), 121—129. (In Russ.).
22. Egorova, E.N. (2018). Object as the key to remembering (cultural and semantic analysis of the work "Suitcase" by S.D. Dovlatov). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 48, 200—210. (In Russ.).
23. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018). Value constants of the rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*, 54, 303—317. (In Russ.).
24. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016). Cognitive potential of rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages. *Rusin*, 3 (45), 119—128. (In Russ.).
25. Dulina, N.V., Kargapolova, E.V. & Simonenko, M.A. (2017). Precedent text of belletristic literature in the cultural memory of students: sociolinguistic aspect. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 45, 163—175. (In Russ.).
26. Chernyavskaya, V.E. (2004). Intertext and interdiscourse as a realization of text openness. *Issues of Cognitive Linguistics-Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 1, 106—111. (In Russ.).
27. Kashkin, V.B. (2005). Comparative discourse study. In *Conceptual space of the Russian language*. Tambov: TSU. pp. 337—353. (In Russ.).
28. Shestak, L.A. (2014). Intertextuality and cognitive text theory. In: *Intertextuality and intertext figures in various types of discourse*. Moscow: "Flint". pp. 125—147. (In Russ.).
29. Sergodeev, I.V. & Olizko, N.S. (2018). Text, hypertext and intertext in the works of J. Morrison. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 430, 33—38. doi: 10.17223/15617793/430/4. (In Russ.).
30. Sidorenko, K.P. (2016). On the principles of the dictionary of intertextual units from I.A. Krylov's fables. *Voprosy leksikografii — Russian Journal of Lexicography*. 2016. 1 (9). pp. 40—63. doi: 10.17223/22274200/9/4. (In Russ.).

Для цитирования:

Переволочанская С.Н. Номинация как смысловой вектор пушкинской мысли // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 475—492. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-475-492.

For citation:

Perevolochanskaya, S.N. (2019). Nomination as the principal axis of Pushkin's thought. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 475—492. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-475-492.

Сведения об авторе:

Переволочанская Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общей и славянской филологии Института славянской культуры, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); *научные интересы:* семантика, семиотика, теория языка, когнитивная лингвистика, авторская лексикография, язык А.С. Пушкина; *e-mail:* perevolochanskaja@yandex.ru

Information about the author:

Perevolochanskaya Svetlana Nikolaevna, Ph.D., Associate Professor of the Department of General and Slavonic Philology, Institute of Slavic Culture The Kosygin State University of Russia; *research interests:* semantics, semiotics, linguistic theory, cognitive linguistics, author lexicography, Pushkin language; *e-mail:* perevolochanskaja@yandex.ru